

**ЦИНИЗМ И НЕУЧТИВОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ
В КОНТЕКСТЕ СТРУКТУРНО-БИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Кныжова З.З., Суслов И.В.¹

Аннотация. Цель статьи анализ биографий ряда представителей региональной политической элиты, которые в период 2018–2020 гг. (преимущественно) по причине некорректных, иногда резких высказываний и действий в отношении граждан стали участниками публичных скандалов.

В центре внимания авторов оказалось более 80 биографий руководителей и работников органов региональной и муниципальной власти. Структурно-биографический анализ позволил определить, к какому поколению принадлежит данная когорта политиков, особенности духовно-профессиональной атмосферы их социализации в контексте как прежней работы, так и времени прихода во властные структуры, географическо-региональные аспекты, а также образовательный уровень.

Выделены факторы факторы, определяющие склонность современной региональной элиты к резкой неолиберальной риторике, провоцирующей общественное возмущение и скандалы.

В рамках регионального среза скандальной масс-элитной коммуникации преобладающим оказался Волжско-Уральский регион. Высказывания и деятельность политиков/чиновников из центральных и (особенно) южных регионов реже всех оказывались в центре публичных скандалов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Нарушение этических норм в региональных масс-элитных коммуникациях в период цифровизации публичной политики» № 20-011-32253.

Ключевые слова: политическая элита, региональная элита, политическая культура, политическая биография, региональная власть, политическая риторика, цифровизация политики.

Кныжова Зарина Закиевна – кандидат политических наук, Саратовская государственная юридическая академия, 410056 г. Саратов, ул Вольская, д. 1 e-mail: knyzhova@mail.ru
Суслов Иван Владимирович – кандидат социологических наук, Саратовская государственная юридическая академия, 410056 г. Саратов, ул Вольская, д. 1, e-mail: suslov85@inbox.ru

CYNICISM AND RUDENESS OF REGIONAL POLITICAL ELITE IN THE CONTEXT OF STRUCTURAL AND BIOGRAPHICAL ANALYSIS

KNYZHOVA Z.Z. – Candidate of Political Sciences, Saratov State Law Academy (Russian Federation, Saratov), e-mail: knyzhova@mail.ru.

SUSLOV I.V. – Candidate of Sociological Sciences, Saratov State Law Academy (Russian Federation, Saratov), e-mail: suslov85@inbox.ru.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the biographies of a number of representatives of the regional political elite, who in the period of 2018-2020 (mainly) due to incorrect, sometimes boorish statements and actions against citizens, became participants in public scandals.

The authors focused on more than 80 biographies of leaders and employees of regional and municipal authorities. The structural and biographical analysis made it possible to determine to which generation this cohort of politicians belongs, the peculiarities of the spiritual and professional atmosphere of their socialization in the context of both their previous work and the time they came to power structures, geographical and regional aspects, as well as the educational level.

The factors that determine the tendency of the modern regional elite to harsh neoliberal rhetoric provoking public outrage and scandals are highlighted.

Within the framework of the regional cut of the scandalous mass-elite communication, the Volga-Ural region turned out to be predominant. The statements and activities of politicians / officials from the central and (especially) southern regions were the least likely to find themselves in the center of public scandals.

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project "Violation of ethical norms in regional mass-elite communications during the digitalization of public policy" No. 20-011-32253.

Keywords: political elite, regional elite, political culture, political biography, regional power, political rhetoric, digitalization of politics.

Введение

В октябре 2018 года всероссийскую популярность приобрели эпатажные заявления министра занятости, труда и миграции Саратовской области, которая утверждала возможность тратить на питание 3,5 тысячи в месяц, аргументируя тем, что «макарошки стоят везде одинаково». Ее слова, превратившись в мем, были широко растиражированы в социальных сетях, кейс обсуждался на федеральных каналах и в кабинетах высшей власти. Вслед за саратовским министром скандальными высказываниями отметился достаточно широкий ряд региональных чиновников и политиков.

В ноябре 2018 года директор департамента молодежной политики Свердловской области на встрече с волонтерами в Кировграде отметила, что *«на сегодняшний день получилось так, что в молодежи складывается почему-то такое понимание, что государство нам все должно. Нет, вам государство в принципе ничего не должно. Вам должны ваши родители, потому что они вас родили. Государство их не просило вас рожать»*. В марте 2019 года руководитель администрации главы Чувашской Республики на сессии Госсовета заявил, что *«на самом деле есть учителя, которые получают мало. Но они мало работают, и об этом надо сегодня честно говорить»*.

В конце января 2020 года губернатор Чувашии в своеобразной манере передал ключи от пожарных машин сотруднику МЧС, заставив последнего подпрыгивать. В ноябре 2020 года мэр города Агидель в Башкирии (на своей странице во «ВКонтакте») возмутился нежеланием жителей работать за 15 тысяч рублей. Он отметил, что граждане не хотят работать швеями, продавцами, поварами и медсестрами.

Феномен нарушения этических норм, проявления цинизма в политической деятельности регионального уровня за последние два года приобрел безусловную политическую значимость. Осенью 2020 года мониторинг СМИ, телеграм-каналов, информационных порталов всех регионов Российской Федерации позволил найти 84 кейса. Затем были собраны (из открытых источников данных) биографические сведения о тех чиновниках и политиках, что были замечены в нарушении этических норм массовой коммуникации, проявлении высокомерия, цинизма, хамства.

Следует отметить, что личности, попавшие в выборку, занимают/занимали различные позиции во властной иерархии, располагаясь на разных уровнях и ветвях власти, однако (вне зависимости от должности) могут быть объединены общей принадлежностью и идентификацией с региональной политической элитой. Процессы формирования как новых региональных элит (в Крыму и Севастополе)¹, так и переформатирования старых (особенно в географически удаленных субъектах²) могут рассматриваться как востребованный политологией объект изучения.

Авторами статьи предполагается, что даже те политики и чиновники, которые не занимают высокие посты в государственной иерархии, разделяют те же нормы и ценности коммуникации с обществом, что и представители высших эшелонов региональной элиты. Следует также указать, что в российской властной элите можно выделить два компонента: непосредственно «политическую» (депутаты региональных и муниципальных legislатур, а также политики-оппозиционеры) и «административную»/«управленческую» элиту (обычно представители исполнительной власти)³.

¹ Быстрова А.С. Тенденции формирования российской элиты Севастополя: пять лет после присоединения к Российской Федерации // Власть и элиты. – 2019. – Т. 6. – Вып. 1. – С. 139-165.

² Чистанов М.Н. Формирование региональных элит и проблемы сохранения культурной идентичности регионов Сибири и российского Дальнего Востока // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14, № 4. – С. 81.

³ Плотников С.И. Современные механизмы формирования административно-политической элиты в системе государственной службы Российской Федерации // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. – 2017. – № 4. – С. 71–73.

Политологический анализ феномена предполагает изучение когорты чиновников и политиков, отметившихся в публичных скандалах, с помощью широко используемого в элитологии структурно-биографического метода.

Методология и метод

Структурно-биографический метод может считаться наиболее популярным в российской политологии способом количественного исследования кадрового состава государственного аппарата и шире – российской политической элиты. Метод достаточно прост в использовании, позволяет получить точные данные (которые возможно представить в математической форме), предполагает анализ информации, доступной любому исследователю в открытых интернет-источниках (а значит, сбор и обработка данных не требует серьезной дополнительной подготовки исследователя). Главная трудность данного метода – в правильности постановки гипотез, проблем и исследовательских вопросов, от которых будет зависеть собственно предмет исследования (политики или администраторы определенного уровня и ветви власти), а также тип биографических данных, которые следует собрать.

Российская политическая наука в качестве базовых биографических индикаторов использует образование (отечественное и зарубежное), компетентность, опыт, лояльность к системе, семейственность (механизмы расширения «семьи», последовательность браков, функциональность разводов), участие в федеральных кадровых проектах. Следует отметить также внимание исследователей к месту рождения и среде первичной социализации элиты (город/сельская местность)¹.

Помимо уже указанных биографических параметров выявляется также наличие профессиональных связей элиты с экономическими или инфраструктурными проектами региона, сфера приобретения и отработки управленческого опыта, предыдущее место работы и должность, количество чиновников, приглашенных из других регионов в команду. Обращается внимание на такие нематериальные факторы, как культурный капитал элиты, а также благотворительность, частные проекты в области культуры.

Важными параметрами элитогенеза являются также время пребывания на административных постах и количество переизбраний в случае депутатов². Исследователи применяют концепт «человеческий капитал», анализируя профессиональное происхождение элиты и их связи (в спецслужбах, среди однокурсников президента и т. п.)³.

Статистико-биографический подход предполагает определение бассейна рекрутирования властных элит и преобладающих типов политических карьер, что, во-первых, позволяет делать выводы о структуре социальной и политической власти в обществе.

¹ Палитай И.С., Майорова М.А. Молодое поколение российской политической элиты: социально-демографический профиль // Вестник МГЛУ. Общественные науки. – 2019. – Вып. 4 (837). – С.160–173.

² Колесник Н.В. Практики воспроизводства российской элиты: неформальный аспект // Власть и элиты / гл. ред. А.В. Дука. Т. 4. – СПб.: Интерсоцис, 2017. – С. 14.

³ Моисеев В.В., Комарова О.А., Пастух Т.А. Человеческий капитал российской политической элиты // Человеческий капитал. – 2020. – № 3 (135). – С.55– 66.

Во-вторых, в основе метода лежит убеждение в наличии влияния происхождения и карьеры на политические установки и поведение индивида. Российская элита одними исследователями объявляется весьма демократичной¹, другие указывают на ее закрытость².

Другими словами, общность социального происхождения может стать дополнительным фактором ценностной интеграции правящей элиты³. А самоидентификация и проведение границ с другими группами, выстраивание социальной дистанции – это главный компонент культурного основания существования элит⁴. Любопытной категорией анализа является понятие «рентного сознания», которое появилось на стыке марксистского классового подхода и морального релятивизма. Так обозначаются представления об исключительности и, как следствие, претензии на материальные блага, а также допустимость пренебрежительного отношения к населению⁵.

Структурно-биографические исследования обычно предполагают сбор информации о представителях государственного аппарата или политической элиты конкретных регионов и определенных ветвей и уровней власти. Формируется тотальная выборка, в которую попадают биографии всех чиновников и политиков интересующего предметного поля. Настоящее исследование нацелено на формирование базы данных и последующий анализ биографий только тех региональных политических деятелей, чья публичная активность привела к скандалу. Таким образом, предполагается проведение специализированного анализа всероссийского масштаба.

В результате проведенного авторского исследования выясняются те специфические биографические черты, которые свойственны медийно оконфузившимся представителям власти, что, в свою очередь, позволит, во-первых, выделить группы государственного аппарата и региональной политической элиты, которые наиболее склонны к проявлению цинизма и хамства, а во-вторых, предложить объяснения их поведения, оформленные в неинституциональной парадигме.

Биографии региональных политиков и чиновников (в количестве восьмидесяти четырех (84)), попавших в объектив исследования, анализировались по следующим показателям:

1. Возраст (принадлежность к социально-демографическому поколению, что может рассматриваться как фактор формирования определенного набора ценностей и установок).

¹ Плотников С.И. Современные механизмы формирования административно-политической элиты в системе государственной службы Российской Федерации // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. – 2017. – № 4. – С. 71–72.

² Моисеев В.В., Комарова О.А., Пастух Т.А. Человеческий капитал российской политической элиты // Человеческий капитал. – 2020. – № 3 (135). – С. 55–66.

³ Kim C.L., Pattersn S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations // Comparative Politics. 1988. – №4. – P.380.

⁴ Дука А.В. Основания функционирования властных элит // Власть и элиты. – 2015. – Т. 2. – С. 14–72.

⁵ Новиков Д.В. Рентное сознание современной российской элиты // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2020. – № 4 (44). – С. 81–85.

2. Исторический период начала их государственной или политической деятельностью (определяющий общий стаж работы и духовно-профессиональную атмосферу социализации).

3. Уровень власти (занимаемая должность на данный момент с учетом предыдущего опыта работы во властных структурах), а также регион (где работает на данный момент с учетом предыдущих географических перемещений по службе).

4. Наличие и характер профессионального стажа, не связанного с политической или государственной деятельностью, а также образование (с учетом профиля, наличие управленческого образования или ученой степени).

Таким образом, предполагается поэтапно проанализировать распределение изучаемой когорты представителей региональной политической элиты по поколениям, этапам рекрутирования в государственные структуры, ветвям/уровням власти, отраслям дополитической деятельности, профилю образования и регионам.

Коммуникативная культура региональной политической элиты в поколенческом разрезе

Определение социально-демографического портрета склонной к медийным скандалам политической элиты следует начать с поколенческого анализа. К хрущевскому «поколению оттепели» были отнесены родившиеся с 1935 по 1946 год, к брежневскому «поколению застоя» – с 1947 по 1963 год, к горбачевскому «поколению перестройки» – с 1964 по 1972 год, к ельцинскому «поколению кризиса» – с 1973 по 1981 год и, наконец, к путинскому «поколению стабильности» – с 1982 года (включительно).

Таким образом, произошло разделение биографического массива на поколения, соотнесенные с историческим периодом и главой государства. В одном поколении оказались те, кто достиг совершеннолетия и начал трудовую деятельность в один исторический период (оттепель, застой, перестройку, ельцинское или путинское время).

Предполагается, что на социализацию поколения влияли проводимая государством политика и характеристики/особенности правящей элиты, которая в свою очередь влияла на идеалы и социальные практики «подрастающего» социализирующегося поколения.

Поколенческий анализ показал, что 42 % региональной политической элиты, проявившей неуважительное отношение к населению, выросла в период перестройки. Чуть больше четверти (27 %) попавших в выборку следует отнести к поколению Л.И. Брежнева, а социализация почти четверти (24 %) пришлось на период Б.Н. Ельцина. Оставшиеся 6 % приходятся на поколение В.В. Путина.

Данные пропорции оскандалившихся представителей элиты диссонируют с общей численностью возрастных когорт региональной элиты. Так в 2015 году среди региональных политико-административных элит 20 % составляли представители поколения оттепели, 45 % – поколения застоя, 18 % – поколения перестройки и

15 % – поколения кризиса¹.

Таким образом, основная доля политиков/чиновников-хамов, из выделенной когорты, социализировалась в годы перестройки. Популярная идея данной эпохи – это отказ от «советской уравниловки», которая стала основой для последующего демонтажа социального государства. Поколение перестройки также первым массово и окончательно разочаровалось в советских идеалах (в том числе и образе слуги народа). Данные обстоятельства следует рассматривать как факторы, определяющие склонность современной региональной элиты к резкой неолиберальной риторике, провоцирующей общественное возмущение и скандалы.

Третье по численности поколение – поколение становления новой России – на своем карьерном пути сочетало бизнес и политику. Это объясняется как прагматичным в условиях становления рыночной экономики запросом связей во властных структурах для развития своего дела, так и постепенной профессиональной миграцией в политическую сферу для укрепления собственного статуса. Специфика российского бизнеса такова, что его социальная составляющая, в том числе социальная ответственность, зачастую вторична. Как следствие, данное мировосприятие вполне является основанием для отсутствия тактичности в риторике, касающейся проблем населения.

Заметная часть политиков/чиновников из исследуемой когорты прошла путь личностного формирования в ельцинскую эпоху. В 1990-е годы социально-экономический сектор находился в плачевном состоянии. Невыплаты заработной плат, деградирующая социальная инфраструктура могли сформировать у молодых людей, вступающих во взрослую жизнь, пренебрежительное отношение к социально незащищенным слоям населения. Это может быть причиной публичного хамства представителей данного поколения, оказавшееся в конце 2010-х годов в центре медийных скандалов.

Малая доля поколения взросления периода Н.С. Хрущева и В.В. Путина объясняется уходом на пенсию первых и невысокой долей последних на значимых государственных должностях.

Хамскую риторику родившихся после 1973 года можно также объяснить их быстрым карьерным продвижением. Исследование А.С. Быстровой кадрового состава региональной политической элиты восьми российских регионов в 2012 году позволило прийти к следующим выводам. Представители политической и административной элиты поколения кризиса (родившиеся с 1972 по 1990-е годы) заняли предэлитную должность до 40 лет. При этом почти половина из них (45 %) – до 30 лет. Только 7 % из поколения оттепели (1934–1952 года рождения) и 12 % представителей поколения застоя (1953–1964 года рождения) заняли

¹ Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и инновационный потенциал // Власть и элиты / Под ред. А.В. Дуки. – 2016. – Т. 3. – С. 121– 186.

предэлитные должности до 30 лет. Следует также отметить, что поколение кризиса меньше всего пребывает на данной предэлитной должности (всего лишь в 64 % случаев, а в 22 % – от 3 до 5 лет), тогда как около половины представителей других поколений задерживаются на предэлитной должности от 6 до 10 лет¹.

**Профессиональная социализация как фактор
коммуникативной культуры**

Анализ биографических данных представителей региональной политики позволил определить этап обновления российской элиты, когда политической/государственной службой стало заниматься большинство тех, кто оказался замешан в медийных скандалах.

Биографии были распределены (в зависимости от времени начала государственной службы или политической деятельности) по четырем этапам, выделенным Д.В. Покатовым: советский (до 1991 года), «формально свободной циркуляции» (1991–2000), «регулируемой ротации» (2001–2011), «корпоративно-персонократической стабилизации» (2011–н. в.)².

43 % собранных биографий относятся к политикам и чиновникам, кто начал государственно-политическую карьеру в 2010-е годы, 25 % – в 2000-е, 25 % – в 1990-е и всего 7 % – до распада СССР. Следует отметить, что, во-первых, увеличение стажа работы усиливает осторожность и деликатность при проявлении эмоций и формулировании мыслей. Во-вторых, лица, аффилированные с советскими стандартами профессиональной социализации, реже попадали в фокус общественного скандала.

Как отмечал А.Ю. Согомонов, в советскую элиту рекрутировались индивиды с особым типом личности, которой была свойственна самодисциплина и соответствие утвердившимся нормам³. В подавляющем большинстве случаев кандидат в состав правящего класса поднимался с самых низов и его карьерный путь был весьма продолжителен⁴.

Однако и те, кто рекрутировался в управляющую элиту в 1990-е годы, также реже попадали в фокус публичного скандала в связи со своими циничными высказываниями или некорректным поведением. Это связано с тем, что для первого (после распада СССР) этапа рекрутирования российской элиты (с 1991 по

¹ Быстрова А.С. Влияние социального контекста на построение карьерных траекторий: карьеры представителей различных политических поколений региональных административных элит Российской Федерации // *Власть и элиты* / гл. ред. А.В. Дука. Т. 4. – СПб.: Интерсоцис, 2017. – С. 199–221.

² Покатов Д.В. Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп // *Власть и элиты*. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 71–97.

³ Согомонов А.Ю. Тусобщество // *Аспекты социальной теории и современного общества*. – М.: Институт социологии РАН, 2000. – С. 59.

⁴ Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 годы). – Пермь: Пермское книж. изд-во, 2003. – С. 190.

2000-е годы) было характерно закрепление весьма существенного процента позиций за советскими номенклатурными работниками. По данным О.В. Крыштановской, сразу после распада СССР только 30 % глав регионов пришлось на долю «разночинцев» (директоров предприятий, ученых, журналистов, врачей), не связанных ранее с управлением¹.

Таким образом, социально-экономические реформы изменяли общество куда более быстрыми темпами, чем обновлялся и омолаживался кадровый состав властных органов, следовательно, можно предположить высокую значимость советского бэкграунда для культурного поля и норм российской элиты 1990-х годов. Большинство же (две трети – 68 %) представителей региональной элиты из изучаемой когорты стали заниматься государственной деятельностью в XXI веке, в то время когда советские стандарты профессиональной социализации стали забываться.

Для второго этапа (с 2000 по 2011 год) рекрутирования российской элиты оказалось характерно резкое снижение доли представителей советской номенклатуры и возрастание доли хозяйственников и менеджеров (от 30 до 60 % в зависимости от региона)². Как отмечает Я. Паппэ, представители бизнес-структур оказались востребованными как носители опыта и навыков, которые позволяют органам власти успешно работать в условиях рыночной экономики³.

Использование статистико-биографического метода позволило исследователям отметить существование тенденции к омоложению и обновлению управленческой элиты (в том числе и регионального уровня). Например, с 2005 по 2016 год губернаторами стали 139 «новобранцев»⁴.

Исследователями была зафиксирована тенденция к омоложению кадров, которая сохранилась и далее. Например, в 2018 году было выбрано 26 губернаторов, 70 % из которых не старше 50 лет⁵. Таким образом, к условному поколению перестройки (родившихся с 1965 по 1971 год) можно отнести семь губернаторов, а к поколению кризиса (чья первичная социализация закончилась в новой постсоветской России) – 11 из 26 губернаторов. Во-вторых, среди новых губернаторов практически не

¹ Крыштановская О.В. *Анатомия российской элиты*. – М.: Захаров-М, 2005. – С. 66.

² Покатов Д.В. Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп // *Власть и элиты*. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 71-97.

³ Паппэ Я. Отношения федеральной экономической элиты и власти в России в 2000–2004 годах: торможение в центре и новая стратегия в регионах // *Региональная элита в современной России / под общей редакцией Я. Фрухтманна*. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005. – С. 80.

⁴ Гуляева А. Вариант «Преемник» на региональном уровне: смена губернаторов в России в 2005–2012 годах // *Неприкосновенный запас*. – 2014. – № 2; Скоробогатый П. Кадровая ротация как пролог к новой экономической политике // *Эксперт*. – 2017. – № 8. – С. 12-19.

⁵ Быстрова А.С. Отставки и выборы 2018 г.: обновление губернаторского корпуса, бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей // *Власть и элиты / гл. ред. А.В. Дука. Т. 5*. – СПб.: Интерсоцис, 2018. – С. 331-359.

оказалось тех, кто имеет серьезный номенклатурный опыт. В-третьих, все большее значение приобретают «вытягивающие» вверх связи. В-четвертых, начало карьеры зачастую – это крупные бизнес-структуры.

В 2010-е годы на государственную службу и в политическое поле пришли наиболее скандально-высокомерные и цинично-несдержанные представители региональной элиты. Это объясняется их социализацией в условиях формирования и функционирования персоналистско-корпоративного типа политического рекрутинга. Д.В. Покатов отмечает, что в персоналистско-корпоративный период успешное карьерное продвижение возможно только в случае безоговорочного служения и идентификации с интересами определенной бизнес-корпорации, номенклатурной группы, патрона или клана¹.

Ориентация на определенную персону или корпорацию стимулирует развитие циничного и высокомерного отношения к тем, кто принадлежит к категории управляемых, что и было высвечено в десятках публично-медийных скандалах последних двух лет.

Географическая и политическая топология публичных скандалов

Некоторое понимание причин масс-элитных коммуникативных сбоев может быть достигнуто с помощью анализа распределения кейсов по ветвям и уровням власти. В исследуемую «скандальную» группу вошли в основном представители исполнительной и законодательной ветвей регионального и муниципального уровня власти, а также несколько «общественников», членов различных структур гражданского общества (общественных советов), функционирующих в формате партнерского взаимодействия с государственными органами.

В центре половины (52 %) скандалов оказались представители региональной исполнительной власти, в 38 % – работники муниципалитетов. Губернаторы и руководители ведомств подконтрольных правительству субъектов РФ обнаружили непонимание проблем, волнующих различные категории населения. Статусная дистанция представителей властной элиты регионов и их оторванность от насущных проблем жителей объясняют появление скандальных высказываний, превращающихся в повод для медийного скандала.

Представители муниципального уровня (и исполнительной, и законодательной власти), напротив, не могут быть обвинены в незнании социальных проблем. Проявление нетактичности в масс-элитной коммуникации может быть следствием или низкого культурного уровня, или профессиональной усталости данной категории. Реже всех в публичные скандалы попадали региональные депутаты, что говорит о меньшем взаимодействии с населением и большим опытом выступлений на публике.

¹ Покатов Д.В. Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп // Власть и элиты. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 71-97.

В качестве гипотетического допущения можно предположить, что участие в публичном скандале связано с культурным контекстом, различающимся от региона к региону. Представители региональной элиты, отметившиеся провокативными высказываниями и поступками, были замечены в более чем половине субъектов России. Наиболее часто в исследуемой группе встречались политики/чиновники Свердловской области – 10 человек из 84. На втором месте – Республика Башкортостан (5), на третьем – Самарская область (4). Кроме того, по три скандальных случая произошло во Владимирской, Пензенской, Саратовской областях, Республике Карелии и Республике Хакасии; по два скандала – в Белгородской, Калининградской, Кемеровской, Московской, Нижегородской, Сахалинской, Ульяновской, Ярославской областях, в Якутии, Чувашии, Бурятии, в Красноярском и Краснодарском краях и в городе Москве.

Распределение скандальных случаев по федеральным округам позволило вскрыть определенные закономерности, которые могут быть объяснены региональными различиями культуры коммуникации и моделями взаимодействия между элитой и массами. Во-первых, следует особенно отметить ситуацию в Уральском федеральном округе, к которому относится 16 % скандальных случаев, хотя проживает около 9 % населения России. Свердловские чиновники/политики преимущественно не являются предпринимателями сферы промышленности. Соответственно, не подтвердилась гипотеза о том, что политики/чиновники могли перенести из предыдущего профессионального опыта в систему управления некоторые особенности коммуникации. Вероятно, объяснение следует искать в иных социальных аспектах жизни региона.

Во-вторых, в негативном свете (29 % скандальных кейсов) выделяется и Приволжский округ, в котором проживает около 21 % россиян. Уровень скандальности элиты Северо-Западного, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов не превышает региональных демографических пропорций. Однако самыми сдержанными оказались представители Центрального (21 % скандалов на 27 % россиян) и Южного федерального округа (всего лишь 6 % скандалов на 17 % россиян). При этом в республиках Северного Кавказа хамских кейсов обнаружено не было! Видимо, традиционная культура и нормы, характерные для жителей юга России, предполагают выдержанное общение между элитами и массами.

Образовательный и социально-профессиональный бассейн рекрутирования медийно ненадежных политиков/чиновников

В рамках структурно-биографического анализа одним из ключевых пунктов является образование изучаемых персон. Категория «высшее образование» позволила разделить представителей региональной политической элиты на две группы: обладателей технического/естественно-научного и социально-гуманитарного диплома. Исследование Н. Юшкиной позволяет зафиксировать примерное равенство обладателей точного и гуманитарного профилей среди представителей власти. И. Палитай и М. Майорова¹ отмечают преобладание гуманитарного образования в молодой когорте

¹ Палитай И.С., Майорова М.А. Молодое поколение российской политической элиты: социально-

политической элиты (как федеральной, так и региональной).

Удивительно, но «технарей» и «гуманитариев» оказалось практически поровну, что опровергает предварительную гипотезу о высокой доле политиков/чиновников с техническим образованием среди тех, кто попадает в ситуацию публичных медийных скандалов. Однако дополнительное образование в сфере государственного менеджмента у «технарей», а также ученая степень встречается в два раза чаще в сравнении с обладателями социально-гуманитарного образования. Популярность второго управленческого образования предположительно объясняется формальными требованиями к занимаемым должностям в сфере государственной службы, социально-гуманитарное же – уже может считаться допустимым.

Структурно-биографический метод предполагает изучение также и социально-профессионального бассейна рекрутирования представителей власти. Другими словами, исследователи обращают внимание на сферы деятельности и профессиональный опыт тех, кто попал в состав федеральной и региональной политической элиты.

Особенностью постсоветской России (как отмечалось уже выше) является проникновение во властные органы представителей бизнеса. В 2015 году в девяти региональных парламентах хозяйственников и бизнесменов было 193 депутата, а в 2019 году – уже 343!¹ Данные (варьирующиеся от региона к региону) указывают на процесс плутократизации элиты, ее сплочение вокруг буржуазных ценностей и неприятие социальных реформ в интересах представителей низших классов. Окружение политической элиты представлено олигархами, экспертами, предпринимателями, бюрократией, средним классом². Данная тенденция указывается во многих исследованиях и по очевидным причинам занимает позиции фаворита в настоящем анализе социально-демографических черт региональной элиты, попавших в центр публичных скандалов.

Действительно, логично предположить, что демонстрация социального цинизма и хамства (зачастую принимающая форму попытки снизить расходы на социальную политику) может быть обусловлена профессиональным прошлым управленца или политика. Данный тезис подкрепляется исследованием Д. Жакони, в котором показано, что российские мэры и региональные депутаты, занимавшиеся ранее бизнесом, предпочитают действовать в неолиберальном ключе, а значит, увеличивать расходы на экономическую инфраструктуру и уменьшать траты на образование и здравоохранение³.

демографический профиль // Вестник МГЛУ. Общественные науки. – 2019. – Вып. 4 (837). – С.167-168.

¹ Дука А.В. Новый нобилитет российских регионов // Власть и элиты. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 169-196.

² Козырев М.С. Социальное окружение современной российской правящей элиты (по материалам публикаций представителей политической партии «Единая Россия») // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2017. – Вып. 4. – С. 622.

³ См. Быстрова А.С., Даггавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. – 2019. –

Логично предположить, что те представители региональной элиты, которые отметились скандальными высказываниями или эпатажным поведением, пришли из бизнеса. Действительно, биографический анализ подтвердил данную гипотезу. 30 % представителей исследуемой когорты были связаны со сферой бизнеса.

Однако так ли это много? Если попытаться оценить количество предпринимателей во власти, то стоит отметить, что тенденция к повышению доли бизнесменов и администраторов-хозяйственников в региональных парламентах и органах исполнительной власти была зафиксирована еще в 1997–1998 годах¹, в XXI веке лишь усилившись².

К началу 2010-х годов около четверти представителей административной элиты и 40 % депутатов законодательных собраний пришли из бизнеса³. Таким образом, приблизительное количество бывших бизнесменов в органах власти колеблется в районе 30 %. Примерно столько же, сколько и в нашей выборке!

Удивление вызывает наличие среди скандальной элиты тех 26 %, что перешли на государственную работу из бюджетной сферы (образования и медицины). Таким образом, во-первых, в проявлении медийной несдержанности и социальном цинизме экс-бизнесмены далеко не на первом месте. Во-вторых, если буржуазные ценности бывших предпринимателей изначально являются естественными, то демонстрация высокомерия экс-представителями бюджетной сферы, очевидно, относится к разряду ожидаемых неожиданностей.

Около 14 % представителей исследуемой нами когорты имеют опыт работы в силовых структурах, что немного превышает их общее количество в органах власти. Всего же **представители силовых структур в региональной элите составляют около 10 %**⁴. 13 % политиков/чиновников, попавших в нашу выборку, были на государственной службе с самого начала своей карьеры, что также разбивает миф о высокомерии и нечувствительности профессиональных «управителей» к нуждам управляемого народа.

В статье А.В. Дука дается объяснение причин, мотивирующих гражданина-бизнесмена стать депутатом-политиком. Исследователь предлагает не ограничиваться рациональными желаниями обезопасить свой бизнес или получить с помощью статуса депутата непосредственные экономические преимущества. Тер-

Т. 6, № 2. – С. 24-66.

¹ Лапина Н., Чирикова А. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – С. 34.

² Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005.

³ Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и роль в развитии современного российского общества // Власть и элиты / гл. ред. А.В. Дука. Т. 4. – СПб.: Интерсоцис, 2017. – С. 176-198.

⁴ Утверждение об увеличении притока в законодательные собрания «силовиков» в первом десятилетии XXI века является спорным. См.: Дука А.В. Трансформация постсоветских политико-административных элит // Актуальные проблемы Европы. – 2017. – № 2. – С. 14-54.

мином «нобилитет» (знать) определяются те, кто идет в политику с целью выделиться из обычных граждан в знатную прослойку¹.

Однако результаты анализа биографического массива тех политиков/управленцев, что оказались в нашей выборке, позволяет считать, что похожее стремление войти в нобилитет, отделившись от основной массы сограждан, также присутствует и в мировоззрении выбившихся в региональную элиту представителей бюджетных отраслей экономики.

Заключение

1. Политики/чиновники исследуемой группы преимущественно являются представителями или региональной исполнительной власти, или муниципальной власти. Про первых можно говорить словами В.И. Ленина: «Страшно далеки они от народа», – а вторые демонстрируют невыдающиеся управленческо-коммуникативные компетенции.

2. Образовательный уровень исследуемой когорты оказался в среднем одинаков. Не было выявлено преобладания по направленности образования – равное количество естественно-технического профиля и социально-гуманитарного. Следовательно, данный фактор никак не влияет на политическую культуру коммуникации политической элиты.

3. Анализ позволил выявить региональную специфику культуры коммуникации представителей власти и общества. В рамках регионального среза скандальной масс-элитной коммуникации преобладающим оказался Волжско-Уральский регион. Высказывания и деятельность политиков/чиновников из центральных и (особенно) южных регионов реже всех оказывались в центре публичных скандалов.

4. Структурно-биографический метод позволил зафиксировать поколение, тип карьеры и сферу деятельности чиновников/политиков, чаще всего нарушающих этические нормы коммуникации. Они были социализированы в горбачевский период и пришли во власть из бизнеса в районе 2010-х годов. Во время перестройки позитивные установки на демократизацию и кризис советской государственности способствовали снижению интереса к политической/государственной карьере как к «службе народу», выводя на первый план экономические интересы и мотивы.

Необходимо отметить, что приход во власть бывших бизнесменов, прошедших социализацию в годы перестройки, состоялся спустя 15–20 лет после распада СССР. В этой связи ментальные установки периода первичной социализации становятся лишь одним, но не ключевым фактором в объяснении хамских конфузов.

Библиография/References:

¹ Дука А.В. Новый нобилитет российских регионов // Власть и элиты. – 2019. – Т. 6, № 1. –С. 169– 196.

1. Быстрова А.С. Влияние социального контекста на построение карьерных траекторий: карьеры представителей различных политических поколений региональных административных элит Российской Федерации // *Власть и элиты*. – 2017. – Т.4. – С. 170–203.
2. Быстрова А.С. Отставки и выборы 2018 г.: обновление губернаторского корпуса, бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей // *Власть и элиты*. – 2018. – Т. 5. – С. 331–359.
3. Быстрова А.С. Тенденции формирования российской элиты Севастополя: пять лет после присоединения к Российской Федерации // *Власть и элиты*. – 2019. – Т.6. – № 1. – С. 139–168.
4. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и роль в развитии современного российского общества // *Власть и элиты*. – 2017. – Т.4. – С. 147–169.
5. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. – 2019. – Т. 6. – № 2. – С. 24–66.
6. Гуляева А. Вариант «Преемник» на региональном уровне: смена губернаторов в России в 2005-2012 годах // *Неприкосновенный запас*. –2014. – № 2. – С.63–72.
7. Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и инновационный потенциал // *Власть и элиты*. – 2016. – Т. 3. – С. 121–186.
8. Дука А.В. Новый нобилитет российских регионов // *Власть и элиты*. – 2019. – Т. 6. – № 1. – С. 169–196.
9. Дука А.В. Основания функционирования властных элит // *Власть и элиты*. – 2015. – Т. 2. – С. 14–72.
10. Дука А.В. Трансформация постсоветских политико-административных элит // *Актуальные проблемы Европы*. – 2017. – № 2. – С. 14–54.
11. Козырев М.С. Социальное окружение современной российской правящей элиты (по материалам публикаций представителей политической партии «Единая Россия») // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. – 2017. – № 4. – С.622.
12. Колесник Н.В. Практики воспроизводства российской элиты: неформальный аспект // *Власть и элиты*. – 2017. – Т.4. – С. 10–30.
13. Крыштановская О.В. *Анатомия российской элиты*. – М.: Захаров, 2005.
14. Лапина Н., Чирикова А. *Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации*. – М.: ИНИОН РАН, 1999.
15. Моисеев В.В., Комарова О.А., Пастух Т.А. Человеческий капитал российской политической элиты // *Человеческий капитал*. – 2020. – № 3 (135). – С.55–66.

16. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945-1991 годы). – Пермь: Пермское книж. изд-во, 2003.
17. Новиков Д.В. Рентное сознание современной российской элиты // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2020. – № 4 (44). – С. 81–85.
18. Палитай И.С., Майорова М.А. Молодое поколение российской политической элиты: социально-демографический профиль // Вестник МГЛУ. Общественные науки. – 2019. – № 4 (837). – С. 167–168.
19. Паппэ Я. Отношения федеральной экономической элиты и власти в России в 2000-2004 годах: торможение в центре и новая стратегия в регионах // Региональная элита в современной России / Под общей редакцией Я. Фрухтманна. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005. – С. 80.
20. Плотников С.И. Современные механизмы формирования административно-политической элиты в системе государственной службы Российской Федерации // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. – 2017. – № 4. – С. 71–73.
21. Покатов Д.В. Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп // Власть и элиты. – 2019. – Т. 6. – № 1. – С. 71–97.
22. Скоробогатый П. Кадровая ротация как пролог к новой экономической политике // Эксперт. – 2017. – № 8. – С. 12–19.
23. Согомонов А.Ю. Тусовщество // Аспекты социальной теории и современного общества. – М.: Институт социологии РАН, 2000. – С. 59.
24. Чистанов М.Н. Формирование региональных элит и проблемы сохранения культурной идентичности регионов Сибири и российского Дальнего Востока // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14. – № 4. – С. 81–86.
25. Юшкина Н.А. Влияние образовательных траекторий на формирование управленческой элиты в российских федеральных органах власти // Вестник университета. – 2019. – № 11. – С. 176–183.
26. Kim C.L., Pattersn S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations. // Comparative Politics. 1988. № 4. P. 380.

1. Bystrova, A.S. (2017) Vliianie sotsial'nogo konteksta na postroenie kar'ernykh traektorii: kar'ery predstavitelei razlichnykh politicheskikh pokolenii regional'nykh administrativnykh elit Rossiiskoi Federatsii [The influence of the social context on the construction of career trajectories: careers of representatives of different political generations of administrative elites in the Russian Federation] // Vlast' i elity [Power and elites]. – Т.4. – P. 170–203. (In Russ.)

2. Bystrova, A.S. (2018) Otstavki i vybory 2018 g.: obnovenie gubernatorskogo korpusa, bassein rekrutirovaniia i kar'ery novykh personazhei [2018 Resignation and the election: Update governors, the pool of recruitment and careers of new characters] // Vlast' i elity [Power and elites]. – T. 5. – P. 331-359. (In Russ.)
3. Bystrova, A.S. (2019) Tendentsii formirovaniia rossiiskoi elity Sevastopolia: piat' let posle prisoedineniia k Rossiiskoi Federatsii [Formation trends of the russian elite of Sevastopol: five years after joining the Russian Federation] // Vlast' i elity [Power and elites]. – T.6. – № 1. – P. 139-168. (In Russ.)
4. Bystrova, A.S., Daugavet, A.B., Duka, A.V., Tev, D.B. (2017) Regional'nye vlastnye gruppy: osnovnye sotsial'no-strukturnye kharakteristiki i rol' v razvitii sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Regional power groups: basic social and structural characteristics and a role in development of today Russian society] // Vlast' i elity [Power and elites]. – T.4. – P. 147-169. (In Russ.)
5. Bystrova, A.S., Daugavet, A.B., Duka, A.V., Kolesnik, N.V., Nevskii, A.V., Tev, D.B. (2019) Institutstionalizatsiia politicheskoi elity: istochniki rekrutirovaniia i kar'era [Institutionalization of the political elite: sources of recruitment and career] // Vlast' i elity [Power and elites]. – T. 6. – № 2. – P. 24-66. (In Russ.)
6. Guliaeva, A. (2014) Variant «Preemnik» na regional'nom urovne: smena gubernatorov v Rossii v 2005-2012 godakh ["Successor" option at the regional level: change of governors in Russia in 2005-2012] // Neprikosnovennyi zapas [Emergency ration]. – № 2. – P. 63-72. (In Russ.)
7. Daugavet, A.B., Duka, A.V., Tev, D.B. (2016) Regional'nye vlastnye gruppy: osnovnye sotsial'no-strukturnye kharakteristiki i innovatsionnyi potentsial [The regional power groups: main socio-structural characteristics and innovation potential] // Vlast' i elity [Power and elites]. – T. 3. – P. 121-186. (In Russ.)
8. Duka, A.V. (2019) Novyi nobilitet rossiiskikh regionov [New nobility of the Russian regions] // Vlast' i elity [Power and elites]. – T. 6. – №1. – P. 169– 196. (In Russ.)
9. Duka, A.V. (2015) Osnovaniia funktsionirovaniia vlastnykh elit [Reasons for power elites' functioning] // Vlast' i elity [Power and elites]. – T. 2. – P. 14-72. (In Russ.)
10. Duka, A.V. (2017) Transformatsiia postsovetских politiko-administrativnykh elit [Transformation of post-soviet political and administrative elites] // Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. – № 2. – P. 14-54. (In Russ.)
11. Kozyrev, M.S. (2017) Sotsial'noe okruzhenie sovremennoi rossiiskoi praviashchei elity (po materialam publikatsii predstavitelei politicheskoi partii «Edinaia Rossiia») [The social environment of the modern Russian ruling elite (based on publications by representatives of the political party "United Russia")] // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofii. Psikhologii. Sotsiologii [Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. – № 4. – P.622. (In Russ.)

12. Kolesnik, N.V. (2017) Praktiki vosproizvodstva rossiiskoi elity: neformal'nyi aspekt [Practices of the reproduction of the Russian elite: the informal aspect] // Vlast' i elity [Power and elites]. – T.4. – P. 10-30. (In Russ.)
13. Kryshtanovskaia, O.V. (2005) Anatomii rossiiskoi elity [Anatomy of the Russian elite]. – M.: Zakharov. (In Russ.)
14. Lapina, N., Chirikova, A. (1999) Regional'nye elity v RF: modeli povedeniia i politicheskie orientatsii [Regional elites in the Russian Federation: behavioral models and political orientations]. – M.: INION RAN. (In Russ.)
15. Moiseev, V.V., Komarova, O.A., Pastukh, T.A. (2020) Chelovecheskii kapital rossiiskoi politicheskoi elity [Human capital of the Russian political elite] // Chelovecheskii kapital [Human capital]. – № 3 (135). – P.55-66. (In Russ.)
16. Mokhov, V.P. (2003) Regional'naia politicheskai elita Rossii (1945-1991 gody) [Regional political elite of Russia (1945-1991)]. – Perm': Permskoe knizh. izd-vo. (In Russ.)
17. Novikov, D.V. (2020) Rentnoe soznanie sovremennoi rossiiskoi elity [The rental consciousness of the modern Russian elite] // Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Scholarly Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical University]. – № 4 (44). – P. 81-85. (In Russ.)
18. Palitai, I.S., Maiorova, M.A. (2019) Molodoe pokolenie rossiiskoi politicheskoi elity: sotsial'no-demograficheskii profil' [The young generation of the Russian political elite: socio-demographic profile] // Vestnik MGLU. Obshchestvennye nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences]. – № 4 (837). – P.167-168. (In Russ.)
19. Pappé, Ia. (2005) Otnosheniia federal'noi ekonomicheskoi elity i vlasti v Rossii v 2000-2004 godakh: tormozhenie v tsentre i novaia strategiiia v regionakh [The relationship of the federal government and economic elite in Russia in 2000-2004: slowdown in the center and a new strategy for the region]// Regional'naia elita v sovremennoi Rossii [Regional elite in modern Russia] / Pod obshchei redaktsiei Ia. Frukhtmanna. – M.: Fond «Liberal'naia missiia». – P. 80. (In Russ.)
20. Plotnikov, S.I. (2017) Sovremennye mekhanizmy formirovaniia administrativno-politicheskoi elity v sisteme gosudarstvennoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii [Modern mechanisms of the formation administrative and political elite in the system of state service of the Russian Federation]// Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i sotsial'nogo upravleniia [Bulletin of the Voronezh Institute of Economics and Social Management]. – № 4. – P. 71-73. (In Russ.)
21. Pokatov, D.V. (2019) Rekrutirovanie sovremennoi rossiiskoi politicheskoi elity kak rotatsiia politicheskoi i administrativno-korporativnoi elitnykh grupp [Recruiting of modern Russian political elite as political and administrative-corporate elite groups rotation] // Vlast' i elity [Power and elites]. – T. 6. – № 1. – P. 71–97. (In Russ.)

22.Skorobogaty, P. (2017) Kadrovaia rotatsiia kak prolog k novoi ekonomicheskoi politike [Personnel rotation as a prologue to the new economic policy] // Ekspert [Expert]. – № 8. – P. 12– 19. (In Russ.)

23.Sogomonov, A.Iu. (2000) Tusobshchestvo [Tusobschestvo] // Aspekty sotsial'noi teorii i sovremennogo obshchestva [Aspects of social theory and modern society]. – M.: Institut sotsiologii RAN. – P. 59. (In Russ.)

24.Chistanov, M.N. (2019) Formirovanie regional'nykh elit i problemy sokhraneniia kul'turnoi identichnosti regionov Sibiri i rossiiskogo Dal'nego Vostoka [The formation of regional elites and the problems of preserving the cultural identity of the Siberian regions and the Russian Far East] // Gumanitarnyi vector [Humanitarian vector]. – T.14. – № 4. – P. 81– 86. (In Russ.)

25.Iushkina, N.A. (2019) Vliianie obrazovatel'nykh traektorii na formirovanie upravlencheskoi elity v rossiiskikh federal'nykh organakh vlasti [Influence of educational trajectories on the formation of the management elite in the Russian federal authorities] // Vestnik universiteta. – № 11. – P.176– 183. (In Russ.)